

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Четвергова И.В.

Внутри. Книга стихов. – Омск, Издательство
ИП С.Б. Загурский, 2014. – С. 36.

ISBN 978-5-903118-54-0

Издание осуществлено на государственную
стипендию Российской Федерации (2014)

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Ирина Четвергова

ВНУТРИ

ISBN 978-5-903118-54-0

© Четвергова Ирина Викторовна (текст, фото 1,6,7)
© Кавлакан Екатерина (фото 2-5, 8-15)

Дикий росток моего стишка
по весне пробивается сквозь асфальт,
не боясь ни ругани, ни смешка,
ни отсутствия
на большинстве поэтических карт.

Этот стишок прорастает из тех времён,
когда на кассету копировался концерт
и тысячи раз всё слушали об одном –
о том, как непросто нам будет
взрослеть.

Но это сейчас говорю я так,
а прежде казалось, что всё – о любви.
И кто-то надеялся:
выкорчевал сорняк!
Ан нет – одуванчики расцвели...

Иногда мне казалось:
успеть на автобус – цель
почти всей моей жизни;
перекусить в кафе –
цель...

...когда разрываешь
заколдованный круг невстреч,
видишь себя стоящим на перекрёстке
в самом начале зимы.
Вниманье пульсирует,
сбивается автопилот,
и что-то в тебе живёт,
не просит ни есть, ни пить,
не радуется, не врёт,
только смешивает в одно
снег и кофейный запах,
и летнее озеро, виденное в кино,
и свитер зелёный в твоих руках,
и песню, что длится сама собой,
и много ещё чего...

И когда светофор включает
изумрудно-зелёный свет,
ты переходишь улицу и,
будто времени вызревания ситуации нет,
выбираешь единственно верный автобус:

через метели,
прямо туда, где ждут
только тебя
невыносимо
долго.

Перспела во мне тишина –
не понятна тебе, не нужна –
из руки усталой упала
и в строку покати́лась она.

Ты подумал: нет ничего в строке.
Взял листок у меня, написал на моём листке
пару новых фраз, да таких, что ввысь,
зазвенев, поднялись...

Только как друг друга поймём с тобой? –
или мне звенеть, иль тебе молчать?
Я морской хочу
 услышать в тебе прибой,
не записывая в тетрадь.

Озеро Эбейты

1.

О,
солёное озеро,
наплаканное не мной!
Нам далеко до осени,
мысли бегут вперёд...
Нынче, смотри:
душа моя –
тонкий пейзаж степной.
Где обучиться заново,
как начинать полёт?

Всё, что доселе прожито, –
лишь приземлило так,
чтобы в погоду ясную
ходить по родной земле –
вдоль горизонта двигаться...
Озеро,
дай мне знак!
Буду смотреть
и впитывать
запах твоих солей.

Всё, что в степи летучего –
долгая ветра плеть,
но в отражении –
облако –
предчувствие высоты.
Не задирая голову,
небо рукой задеть
можно,
когда разливается
озеро Эбейты.

2.

Тронула воду – кажется, поняла.
Сфотографировала на память – воду и небо
с широкой горизонталью между –
жаль, не слились...

*«Просто сегодня вода
далеко от места, где начинается котловина»* –
говорит нам экскурсовод.

Соль обнажило, поле белым-бело,
сверкает так, будто бы снег лежит;
и ожидаемо глубоки
следы проходящих смотреть.

3.

Переместись в пространстве и возьми
то, что пространство отдаёт без боя.
Я принесла домой частички соли –
на куртке, джинсах и на рюкзаке.

Мы не остались прежними людьми,
случилось нечто сказочно-простое.
Я, как Иван-дурак (не знаю горя)
с пером Жар-птицы – в тоненькой руке.

Скамейки заняты вдоль пешеходной зоны,
на дне фонтанов светятся монеты.
И может быть уютным и бездонным
майское лето...

И если встретимся, я буду только рада.
Пари: кто говорить закончит... первый.
А для дешёвых фруктов слишком рано –
ещё поспеют...

Рука потянется к листу,
листа не помня.
И голубь бродит по песку –
паломник...

Где сердце города? Сердце его – во мне.
«Бом-м...» – открываю глаза в колокольный звон.
«Это ли Омск?» – кто-то спрашивает извне. –
«Да, несомненно, он».

Душу и тело не засоряй его!
Если печалишься, переправляй печаль –
с берега на берег – это верней всего –
с берега на берег – новым себя встречай.

Город устроен так же, как человек,
если хотел уехать,
ты опоздал уже». –
«В городе место силы – слиянье рек?» –
«Так говорят: где крепость на Иртыше...»

«Слушай, а яблоны и у вас цветут?» –
«И у «Маяковского» сакура по весне...
Что ты друзьям ответишь, зачем ты тут?» –
«Просто отвечу: город звучит во мне...»

День города. Омск

А всё начиналось
с макета цветочных ворот,
с подбора растений
(здесь правит ландшафтный дизайнер),
с десятка табличек, что – ах! – невозможен проход
по этим газонам без мысленных мук и терзаний.

И «Флора» открылась... да что я тебе говорю!
Ты видел и сам
фотовооружённых –
мечту о прекрасном
ловили (меняли) свою –
цветы увядали, охранник смотрел поражённо.

Но было тепло и безумно хотелось гулять!
И улицу Ленина в День для машин перекрыли.
Торговцы
продажи записывали в тетрадь:
фонарики, бусы, флажки, бутафорские крылья.

Небесный фонарик (я видела) во дворе
у нас запускали, когда безнадёжно стемнело.
И всё это было... до точки допев, отгорев,
пройдя через ночь,
притворилось туманом
белым.

Снега, хлещущего в лицо, когда я боялась, мама?!
Самая ведь погода, хоть ты говоришь иначе.
Самое время детские пересмотреть травмы,
дуру не строить, в реку не уронить мячик.

Время очнуться и перестать
накапливать барахлишко,
громко запеть, хоть моё ты не любишь пенье.
Мамочка, мама, любви не бывает слишком
много! А мало – бывает. Над всеми

нами летели снега,
вот мы неслись без оглядки...
нынче нам прятаться некуда! Так прими же
ранний апрель – ветреный и негладкий!
Снегом умыты все, и никто не унижен.

Подхватив ускользящий утренний сон,
я его доживу до края:
вот рюкзак и заляпанный солнцем перрон,
паспорт, верхняя боковая.
Так и снится: я еду, а небо летит –
небо летнее надо мною.
Никому не сказала, что есть «магнит»
за (придуманной ли?) стеною.
Вот туда я и еду, чтоб встать пред ней –
не пробить, так найти лазейку.
А на самом деле – лишь сон во сне,
всё такой же густой и клейкий.

– Это ты? – Да, я! – слышу голос свой. –
– Это я? – Угадала тоже! –
Я сажусь в тени пред своей стеной,
вспоминаю, на что похожа
загородка меж нынешней мной и мной,
той,
 своё не предавшей детство:

путья детской кроватки стоят стеной...
И от несправедливости средство –
если всё за героя договорить,
боль моя за него
растает.
– Аа, так ты же умеешь счастливой быть! –
Скажешь вдруг,
 и стены не станет...

Легато

1.

Свободы тебе, если знаешь, что делать с нею;
следы твои пусть замечает февральским снегом.
А я не умею злиться – совсем не умею,
«хожу с фонарём» – ищу своего человека.

И если, забывшись,
заслушавшись,
потерявшись,
коснулась тебя и решила: «мы... долго знакомы» –
прости малодушие мне, это вовсе не страшно –
идти в темноте...

– Ты ведь дома?
– Я? Дома.

2.

Когда час тёмн – молчите струны!
Душа теперь – что терновник спящий.
Пусть ничего не смогу придумать,
что б разуверило в *настоящем*.

Пускай причинам не будет счёта,
чтоб жечь свечу у себя в жилище –
так знают все, что я жду кого-то;
так знает *он* и меня разыщет.

3.

Ты найдёшь меня к счастью не готовой,
в платье неподходящем и непричёсанной даже;
абсолютно не верящей в то, что зовут любовью
тысячи расфуфыренных юных барышень.

Ты найдёшь меня, и почему-то мне станет легче –
оттого, что по волосам без притворства гладишь;
оттого, что сидишь со мной целый вечер –
ради меня, не бесполезного трёпа ради.

Слово ли скажешь – и я пойму: ну, вот оно! –
вместе еду готовим, читаем книги –
О, что за музыка! Быстро ли создана, соткана?
Будто две ноты соединились – лигой...

День рождения

Кусочки сухой коры,
веточки, жёлтый лист –
у осени есть дары.
И голос костра – чист.

Мне нравится петь с ним,
где солнца впадает медь
в небесную темень-синь,
ладони ещё греть

и верить: из них лад
приходит на этот свет.
– Скажи мне, мой друг, ты рад?
– Конечно! Ты разве нет?

Песня про Омск

Жми на клавиши и не спорь –
всюду порох.
Город сделал меня такой,
этот город,

где настоящая зима длинна,
где из столицы я ждала письма,
но для чего не знала я сама,
зачем?

Часто плавится стеарин
вместо воска.
Что сумеем, то создадим
в рамках Омска.

Здесь тихой верою мой полон шаг,
и держат звёзды ангелы в руках,
и до сих пор слова «Тебя люблю»
на стенах пишут.

Так жми на клавиши и не спорь –
я всё слышу.
Может, где-то больнее боль,
счастье – выше.

Но, чтобы следующий сделать шаг,
мне надо знать, что город мне не враг.
А здесь ведь до сих пор «Тебя люблю»
на стенах пишут...

Раз в год, пожалуй, редко,
но – яблоням цвести,
чтоб я могла ранетки
пересчитать в горсти

и вспомнить: полетели
вдруг лепестки-слова.
И слово было белым
и значимым едва.

Едва земли касаясь,
оно стиралось в пыль.
Здесь выдумка кончалась,
а начиналась быль.

Поговорим? Теперь-то
слова, как плод, крепки!
И ветер в спины. Ветром
уносит лепестки...

Диалог у Иртыша

А знаешь, возможно: в отсутствие денег
собрать друзей и пойти на берег,
но не тревожить веток,
не жечь костра...

– Ближе пойдёмте к воде, там лучше!
– Что, ты теперь и французский учишь?
– Oui, voulez-vous écouter mon histoire? **(сноска 1)**

– Ты расскажи мне про парусник, видишь,
там, ближе к берегу?
То ли беглец он, то ли – подкидыш?
– Я так легко не могу...

– Ну, так придумай! Что же нас город
вместе с фантазией «съест»?!
– Если деревья вырубят скоро,
мало останется мест,
где оживаешь... напротив Тобольских **(сноска 2)**
стоишь у реки в тоске...
– Чувствуешь корни, наверно. Не бойся!

Лето. Следы на песке...

1 Да, выхотите послушать мою историю? (фр.)

2 Тобольские ворота Омской крепости

Жалко, что лето кончилось.
В запахе палой листвы, не примятой ещё дождём, –
голос прошедшего лета, понятный дыханью.
И диалог длится:
 выдох, вдох.

Можно уже бесстрашно сорвать листок –
жёлтый ли, красный –
между страниц книги его положить
и забыть.
А после,
 глубокой зимой,
 под лампой
открыть эту книгу на нужной странице,
чтобы допеть
непонятно откуда возникшую
песню
дождя...

Слушай, в городе столько всего творится!
А рассказать – надо к этому подступиться....
И не забыть: ты – согрет, а собака – мёрзнет,
новый водитель мебель кому-то возит.

И конечно! Наши соседи сверху
недавно приехали из роддома с дочкой.
Подруга
 их жизнью меряет свои «неуспехи»:
нет ни мужа, ни детей – одни проволочки.

Я вчера дала свечу ей и спички
и сказала: сядь, зажги – полюбуйся.
Стало ясно, что она – корабль
(идёт своим курсом) –
у психолога уже из зарплаты вычтет.

Жизнь не может быть
 только текстом,
или хуже – тэстом в журнале.
Хватит пары строк – остановить бегство.
Что, поэты вам ещё не сказали?

В январе

Примерно неделю назад рядом с моим домом горела маршрутка. Я возвращалась с работы, шла по соседнему двору и вдруг заметила, как из-за пятиэтажки, загораживающей наш двор, поднимаются клубы чёрного дыма. Испугалась, подумала, что это квартира чья-то горит, но, сделав ещё несколько шагов, увидела, что горит машина.

«ГАЗель» стояла метрах в пяти от подъезда, огонь был очень сильным, и первое, что я подумала: пламя может перекинуться на растущее рядом дерево (оно было освещено пожаром), а дальше и на деревянную раму одного из окон. В горящей маршрутке постоянно что-то трещало. Боясь, что какой-нибудь её кусок отлетит в сторону, я решила «сделать крюк» – обойти опасность по тропе, вьющейся поодаль – в снегу. Пока шла, вспомнила, как соседка наша, живущая на первом этаже, ругалась на то, что машины ставили у самых окон, мол, ни пройти, ни проехать. Да и по технике безопасности ближе десяти метров парковаться не полагается – я в интернете читала... Подходя к своему подъезду (там, конечно, люди уже собрались), увидела, как из-за угла выворачивает пожарная машина, да что толку – всё равно уже всё сгорело. Однако «ГАЗель» потушили. Без жертв обошлось.

Сегодня шла мимо места пожара... дерево, о котором я думала, что огонь на него перекинется, – это была рябина – огонь всё-таки приняло. На снегу виднелись обуглившиеся ягоды, да и на верхних ветках тоже, но ствол остался неповреждённым – замёрзшие его соки уберегли и само дерево, и дом. Если бы рябина была человеком, то, вероятно, очень храбрым!

Горевшую маршрутку не убрали, только двери в ней открыли. Так и стоит она, может, в назидание... А сейчас уже и снегом покрылась, издали и гари не увидеть. Только ближе подойдешь – торчат каркасы

кресел.

К чему я это всё?

Просто такие странные, страшные вещи могут происходить в ничем не примечательных дворах – это откладывается в памяти, ходишь потом, помнишь, бережешься...

Камешки

Тыходишь к реке,
у тебя в руке –
узелок,
в нём – в пылинках чужих дорог –
разноцветные камешки...

Доставал их оттуда не раз –
всё как будто выстраивал связь:
красный камешек, белый и...
чёрный,
будто море на глубине,
ты смотрел на него – спрашивал:
что же там – на дне?

Красный камешек
перед внутренним взором твоим теперь –
то – кирпичный обломок, по правде если сказать.
Ты его подобрал,
чтобы дом где-то виденный помнить,
а нужно построить свой –
не из обломков.

Белый камешек – прежний твой амулет,
но подумать – тебя-то прежнего нет.

Тыходишь к реке
с узелком в руке,
лодку глазами находишь,
на воду смотришь,
думаешь: «Так легко!
Всё чужими дорогами я ходил,
в бездны чужие заглядывал,
чьи-то дома лепил.
Не остался ни в безднах чужих, ни в домах».

Лодку – на воду, и весла – взмах.
На земле – развязанный узелок,
и гуляет по берегу ветерок.

Красный, белый и чёрный – камешки тяжелы.
Долго песком не заносит – увы!

Кто захочет – пускай для себя возьмёт,
погадает на них...
поживёт.

Нежность

Про неё говорят, что она бывает приступами. Только проходит практически безболезненно – у человека вряд ли что-то заболит, если она с ним случится. Ещё говорят, что она накатывает волнами и захлёстывает, но по поводу «захлёбывания» ею тоже никто особых жалоб не высказывал. Мало того – при полном её отсутствии люди начинают страдать, хотя внешне это может не проявляться вовсе. Единственное, пожалуй, почему все говорят о ней как о чём-то приступо-волнообразном – это потому, что сравнивают её с обычной своей реальностью, будто в обычной реальности её нет, и всё течёт по наклонной; будто она есть чувство, связывающее всех с каким-то другим миром. Если так, то лично я не против такой связи, не против волн, которые накатывают на меня, вызывая желание обнять ближнего, позвонить ему и признаться в своей нежности – не как в чём-то постыдном, а как в великом чуде, открывшемся мне внезапно.

Нежность имеет своё течение и – русло? Будто в лодку садишься, а река поначалу спокойная-спокойная... и не сразуобразишь, что изменилось, только схватишься за весло...

Впервые обойдя валуны непонимания, как будто вытащив свою лодку из реки на берег, человек, может быть, плачет. Но раз за разом, становясь сильнее, он учится управляться с потоком и постепенно начинает доверять себе. Тогда и нежность как сила становится его достоянием, и человек, проявляющий её, отныне проявляет себя, не переживая более по поводу чьей-то реплики «Смотрите-ка, нежность на него накатила...»

В феврале бывают утра:
ели – снежны и тихи;
фонари горят, как будто
ими пишутся стихи.

В каждой строчке столько света –
лапой брать – не исчерпать!
Научились бы поэты
по-фонарному писать!

Так медова – но недолга –
снегопадна тишина.
Может быть, я тоже ёлка –
февраля полным-полна.

Научиться чему-то из его ремесла –
вот бы счастлива я была!
Тополь он посадил вчера...
«Чтобы год удачный!» –
мысленно я прошу
и клубнику сажу.

От большой семьи отпочковываться пора.
Друг мой, муж и страж –
дома нашего первый этаж
он отстраивает с утра.
Кирпичей – гора!
Чем могу, помогаю теперь ему –
кирпичи ношу ему по одному.

Год за годом мелькают, а кажется, что – часы,
и уже предчувствую: будет сын,
что из дома к дереву шагнёт – дойдёт.
А потом – неизвестный мне поворот.
Но – союзник всех четырёх стихий –
будет счастлив он. Слышу: шаги легки.
То его шаги
или его отца?
Этот звук для меня не разделится.
Двое в ногу идут, оттого сильнее
песня счастья нашего, песнь корней.

Меня удивляют особенности вещей:
устройство замка, на который
ящик почтовый закрыт;
клейкая полоса конверта,
когда запечатываешь письмо;
марки – цветные и разноликие...

Знаю, что кто-то заметил, не только я,
кто-то зарылся в эти мелкие вещи так глубоко,
что всю философию писем увидел в них,
словом назвал – «винтаж»,
тщательно стёр следы

того, что замок открывается от поворота ключа;
письмо запечатывается – моею рукой;
что пишу его я, а читаешь ты,
оттого
это «жизнь» называется, «письма» и «тихий свет».

Костровое

И.Х.

Налей имбирный чай себе из котелка
и наблюдай, как сахар

тростниковый

тает.

А это ведь не я смотрела свысока,
и время не само наш костерочек правит.

Давай подкинем дров, и ты увидишь сам,
как пламя будет жрать кусочки древесины!
Подкармливать костёр, бить словом по словам:
и от огня – тепло, а слово стало сильным.

Я повторяюсь? Пусть!

Чтоб смысл донести

не жалко многих дней и выброшенных виршей.

Обидела тебя? Я говорю: «Прости!» –
запишешь и поймешь:

твой стих сегодня – вышел!

Есть же время и место – сейчас тебе докажу –
где над собой совершаешь усилие,
отсекаешь лишнее,
проводишь между;
там, где всё как есть, ничего запасённого впрок;
где умеют люди главное вычитать между строк;
где и ты уже говоришь о главном, не торопясь,
и не боясь,
что слов травянистых вязь
высохнет и никто не захочет вить,
продолжать-прясти смысловую нить.

Есть же такое место – вот здесь, сейчас –
ещё вертится солнце, последний фонарь не погас;
есть и слушатель – он внимателен и не пьёт вина,
потому что речь всё ещё пряма, оттого нужна.
Ты же знаешь, бессмысленно говорить о тоске,
если время делить
есть с кем.

Если жизнь в пространстве ширится, создаёт
самое себя, разворачивается в нас –
потому, что мне ещё предстоит полёт,
потому, что ты ещё не погас!

Искусство ль это – быть внутри, самим собой,
и августу смотреть в глаза, не щурясь,
заметив в них искринки палых листьев?
Нет искусства в этом.

И потому легко, не ускоряя шаг,
рюкзак поправив, я иду, смотрю вокруг:
на старую траву, на сломанные ураганом ветки,
на лужи, обрамляющие входы в детсад,
на арку дома.

За аркой – тысяча дорог, у каждой голос есть,
и все кричат:
«Ты, выбирай!
Неправильно всю жизнь сидеть в домах!
Вперёд, вперёд! Ты только для того из дома вышел,
чтоб выбирать!»

Остановиться бы,
 в смущении
 и страхе, что не вернусь! Но –
по едва заметным признакам:
по взмаху голубиных крыльев,
по облакам, меняющим свой вид,
по жёлтым листьям в кроне дерева
пойму,
куда идти, как быть и что мне делать.
И август будет искоркой в глазах,
когда дорога
завершится
домом.

Содержание

«Дикий росток моего стихка...»	4
«Иногда мне казалось...»	5
«Перспела во мне тишина...»	6
Озеро Эбейты	7
«Скамейки заняты...»	10
«Где сердце города?...»	11
День города. Омск	12
«Снега, хлещущего в лицо...»	13
«Подхватив ускользящий утренний сон...»	14
Легато	15
День рождения	18
Песня про Омск	19
«Раз в год, пожалуй, редко...»	20
Диалог у Иртыша	21
«Жалко, что лето кончилось...»	22
«Слушай, в городе столько всего творится!...»	23
В январе	24
Камешки	26
Нежность	28
«В феврале бывают утра...»	29
«Научиться чему-то из его ремесла...»	30
«Меня удивляют особенности вещей...»	31
Костровое	32
«Есть же время и место...»	33
«Искусство ль это – быть внутри...»	34

Четвергова И.В.

Внутри
Книга стихов

Редактор Вероника Шелленберг

Фото: 1,6,7 – Четвергова Ирина;

2-5,8-15 – Кавлакан Катерина

Корректурa авторская

При перепечатке и цитировании ссылка
на издание обязательна

Подписано в печать 1.12.2014

Формат А5. Печать оперативная, бумага 80 г/м²

Фотографии: печать офсетная, бумага 115 г/м²

Печать оперативная. Гарнитура Cambria

Тираж 500 экз. Заказ № 421

Отпечатано в Копировальном центре «Акцент»

ИП Загурский С.Б.

г. Омск, ул. Лермонтова, 8.

31-12-77, 31-35-75

E-mail: 311277@inbox.ru